

оказалось, что наши европейские государственные деятели просчитались, что Россия чем дальше, тем сильнее, что ее руководители и государственные деятели не дадут обвести себя вокруг пальца и подпишут только то, что русскому народу на пользу, что они готовы на политику палки отвечать политикой дубины, у некоторых государств было желание вообще участвовать в Генуэзской конференции.

Если бы хоть в России были тайные дипломаты, чтобы можно было что-нибудь предпринять против русского правительства! А так тяжело с ними вести переговоры, потому что то, что народ не хочет, не может подписать даже сам Ленин. Такие варвары — эти русские!

Совсем иное положение у нас. Мы даже не знаем, как пришли к такому счастью, что наша дипломатия заключила военный союз с Францией на 50 лет. Если немцы опять схватятся с французами, мы будем помогать французам. Мы можем гордиться этим, это великолепный результат работы нашей дипломатии. Мы уже слышали и то, что будто план Бенеша-Масарика-Тусара о создании под англо-французской эгидой тройственного союза Малой Антанты потерпел провал! Жаль! Хотя мы не знаем, для чего это нам надо, однако жаль. Мы могли бы оказаться в хорошем обществе.

«Hlas ľudu», Banská Bystrica, 30. marca 1922, č. 14.

Перевод со словацкого.

¹ Так называемая пятерка — узкий неконституционный орган, созданный осенью 1920 г. из лидеров пяти чехословацких буржуазных и реформистских партий, фактически определявший политику коалиционных правительств.

435

Из речи председателя правительства и министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша в Национальном собрании по поводу конференции в Генуе

Прага

4 апреля 1922 г.

...II Три вопроса европейской реконструкции.

При таких обстоятельствах для Генуэзской конференции остается в качестве программы три главных мотива, которые сжато выражают наиболее важные проблемы сегодняшней Европы:

1) Восстановление России и установление связей с ней.

2) Облегчение экономических связей между другими европейскими государствами благодаря проведению различных реформ в экономической, финансовой и торговой жизни отдельных европейских государств. Особенно это касается малых государств и новых государств в Центральной Европе, их финансов, экспорта, импорта и валютной проблемы.

3) Попытка впервые после мировой войны установить непосредственные контакты между всеми прежде враждебными государствами, контактируя с нейтральными странами, и попытаться таким путем восстановить общность европейских интересов, устранить военную психологию, все еще существующую после войны.

В мыслях тех, кто мечтает о реконструкции Европы и кто действует во имя этого, эти три вопроса в действительности означают основные проблемы европейской регенерации.

Весьма поверхностно мнение некоторых о том, что, задумав провести Генуэзскую конференцию, ее организаторы стремились лишь просто-напросто к получению промышленниками и торговцами своих стран возможности снова сбывать в России товары, а не понимали того, что немедленное установление торговых связей, как и политических с Советской Россией, не принесет никакой непосредственной прибыли. Ллойд Джордж правильно полагает, что этот вопрос по-настоящему можно решить лишь в очень далеком будущем. Но надо исходить из необходимости когда-то начинать общую реконструкцию Европы и приступить к подготовке перестройки России, с которой возможно будет поддерживать связи в области экономики и политики и совместно работать. Идет пятый год русской революции, пятый год ужасного разрушения всей экономической жизни, и никто не питает иллюзии в отношении того, что если завтра установятся экономические связи с Россией, то тем самым тотчас же будет спасена Россия, и что в том же году или через год будут спасены и свои собственные страны от экономического кризиса.

Идея созыва Генуэзской конференции не является идеей какого-то предпринимательского общества, которое бы стремилось в Россию зарабатывать деньги; эта идея выражает стремление построить новую жизнь в Европе и попытку сближения отдельных народов¹. Англичанам ясно, что если сегодня или завтра установятся экономические связи с Россией, найдется очень немного английских торговцев, которые бы тотчас же отправились в Россию, и что, вероятно, ни один из английских рабочих не получит в результате этого снова работу. Но вместе с тем они считают, что если не положить начало уже в этом году, то год будет потерян, если же сближение не начнется в будущем году, то два года будут потеряны, а если и далее будет откладываться работа по европейской реконструкции, то страдания России и всей Европы лишь продлятся. Можно сомневаться в правильности этой идеи, однако сомневаться не следует. Необходимо лишь проявлять большую осторожность, чтобы эта идея не превратилась во зло и во вред также и во вред нам.

III. Программа конференции — русские вопросы.

Как свидетельствует проведенная подготовка, работа Генуэзской конференции в деле реконструкции России представляется таким образом, что конференция должна выработать условия восстановления отношений с Советской Россией по следующим вопросам: 1) ликвидируются ли старые обязательства России довоенного времени, то есть общественные и частные долги бывшей русской империи; 2) будут вести переговоры о создании постоянной комиссии, на которую был бы возложен контроль над старыми обязательствами и которая определила бы специальные права. Вопрос об этих правах является до сих пор спорным между отдельными союзниками; 3) будет рассмотрен вопрос о том, в какой мере можно помещать иностранный капитал в России и при каких правовых нормах и условиях. Затем вопрос о личной безопасности иностранцев, вопрос о консульских правах и вопрос о судах и силе их приговоров, как и вопрос об участии иностранных или смешанных судов в спорах между Россией и иностранцами; 4) наконец, будет обсуждаться метод и ход практической восстановительной работы на территории России. Как восстанавливать порты, дороги, по-

могать в отдельных областях России при обработке земли, как вновь ввести в действие отдельные заводы в различных отраслях и т. д.

Это практический план работы Генуэзской конференции о России. Он преимущественно экономический и лишь косвенно касается политических вопросов. В этом смысле в работе экспертов союзников достигнуты довольно значительные результаты, однако необходимо признать, что и советские органы уже подготовили свой план рассмотрения вопросов; судя по нынешнему положению, кажется, что будет легко достигнута договоренность об условиях, на которых было бы возможно установить экономические и торговые связи с Советской Россией.

Если достижение договоренности об экономических и торговых делах будет довольно легким, то менее легко достигнуть соглашения при обсуждении чисто политических вопросов, и особенно в деле признания России де-юре. Известно, что согласно каннской резолюции Россия должна быть признана, если бы приняла все условия, предъявленные ей в этой резолюции, и, конечно, если примет экономические условия, которые будут предъявлены ей по линии вышеупомянутых вопросов. Сейчас спор идет лишь о том, достаточно ли простого принятия всех этих условий или Генуэзская конференция потребует от Советов каких-то специальных гарантий. Кажется, что весь спор в Генуе будет вращаться вокруг этого вопроса.

Наша позиция в отношении Советской России с самого начала была ясной. Она не изменилась и остается ныне такой же, какой была раньше. Мы выступали и выступаем против военной интервенции в России и против какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела русских. Но мы требуем того же и в отношении себя. Мы за установление экономических и торговых связей с Россией, за оказание помощи России в борьбе с голодом и за помощь эмиграции за границей. Учитывая возможные события на конференции в Генуе, мы оставляем за собой свободу действий в русских и других вопросах. Трудно предвидеть, что произойдет, и единственным руководством для нас во всем этом должны быть действительные интересы нашего государства².

*ANS, Praha, Zahanicni. výbor I. krab. č. 216.
Těsнопісеcký zápis о schůzi zahraničnického
výboru poslanecké sněmovny NSRC dne
4. dubna 1922, str. 1/8—11.
Перевод с чешского.*

¹ Интерпретация Бенешом целей Генуэзской конференции в данном документе маскирует действительные цели международных империалистических кругов и чехословацкого правительства. Подробнее см. док. 421, 438, 440.

² Позже, защищаясь от нападок Крамаржа, Бенеш значительно более откровенно изложил свою политическую концепцию по отношению к Советской России. Он писал: «Моя общая политическая линия в вопросе об интервенции в годы войны, мирной конференции и после неё была следующей:

1. Я был и до сих пор принципиально против всех форм большевизма и против его политики вообще. По отношению к России я всегда отстаивал необходимость такой политики, которая как можно скорее привела бы к установлению там режима современной федеративной демократии. Это всегда было моей целью.

2. По вопросу о большевизме и интервенции в России я во время войны и мирной конференции занимал выжидательную позицию. Она диктовалась не случайными или временными политическими факторами, не какими-либо партийными мотивами, а только исключительно основным принципиальным отношением чехословацкого народа к русскому народу вообще и общим существом нашей зарубежной революции. Следовательно, для меня это был прежде всего вопрос военных, экономических и финансовых возможностей. Поэтому в течение определенного времени я считался

с активной интервенцией союзников, как с одной из возможных и вероятных перспектив европейской политики.

3. Однако я весьма строго различал формы интервенции. Была возможна военная интервенция, причем всех союзников сообща. Была возможна ограниченная военная интервенция, при более или менее активном содействии союзников (например, в 1918 г. японцев при небольшом содействии союзников, интервенция Деникина с финансовой помощью союзников, интервенция в Архангельске с ограниченной английской помощью и т. д.). Наконец, можно было думать и об интервенции нашей или в Сибири, или о такой, какой представлял её д-р Крамарж, т. е. с нашими добровольцами из республики (возможно, с помощью югославов).

Кроме этого, в союзнических кругах обсуждалась возможность другой интервенции, экономическо-финансовой. Сначала подумывали об установлении интенсивной блокады, позже, наоборот, об отказе от политики изоляции России, об установлении с ней связей и об экономическом и финансовом проникновении, вследствие чего в большевистской экономической, а затем и политической системе произошел бы переворот и ускорилось развитие в направлении к новому правлению.

4. В период войны, мирной конференции и в течение определенного времени после неё я не исключал и активную общую вооруженную интервенцию всех союзников. Я бы не был против неё и в этом случае защищал бы ту точку зрения, что и мы должны были бы выступить. В этом смысле я высказалась об обстановке в России в 1918 году в своих «Мемуарах» (на стр. 188, т. II). Однако я достаточно хорошо знал обстановку у союзников как в 1918 г., так и в 1919 г. Я знал, что им трудно решиться на это. Я знал, как в 1918 г. они обещали это мне и нашим солдатам, но были не в состоянии это выполнить. Д-р Крамарж в своем дневнике и в своих записках подтверждает это. Клемансо и англичане откровенно признались ему в том, что касалось обстановки в 1919 г. Это явилось причиной моей тактической сдержанности на мирной конференции в 1919 г., хотя в то время я не был знаком с записками д-ра Крамаржа. Конечно, наше участие я всегда и безусловно ставил в зависимость от ясно выраженного согласия из Праги.

5. У меня были большие сомнения в возможности ограниченной интервенции. И её результаты полностью подтвердили мои сомнения.

6. Потому я тем более был против интервенции только нашей (возможно, с помощью Югославии). Я упрекал союзников прежде всего в том, что у них вообще отсутствует твердая политическая программа в отношении России, далее, что в этом вопросе у них отсутствует единая политика: что они то высказываются за интервенцию, то за переговоры с большевиками. Причем слишком резко отличаются их взгляды и интересы. Особенно решительно я ратовал за то, чтобы союзники твердо и окончательно остановились или на линии военной интервенции или на другой — отказа от военной интервенции, т. е. общей и ясной линии экономической интервенции, но при этом никогда не нарушали бы единства и солидарность действий, последовательно и до конца держались так, чтобы в любом случае большевизм в конце концов вынужден был бы капитулировать.

7. Я считал невозможной интервенцию в Сибири силами нашей легионерской армии, состояние которой я знал, и был убежден в том, что это привело бы к катастрофе — часть её погибла бы, часть бы морально разложилась. Поэтому по договоренности с Прагой я неустанно стремился к возвращению легионов из Сибири на родину.

8. Я никогда не отступал от этой своей политики. Каждое принципиальное решение по поводу любой из этих возможностей я всегда ставил в зависимость от согласия Праги, моя тактика и выступления характеризовались сдержанностью, осторожностью и даже чрезмерной осторожностью в связи с указанной сложностью проблемы. Еще в 1920 г. я не исключал возможности того, что общая обстановка в Европе могла бы привести к тому, что главные великие державы решились бы на совместную военную интервенцию. После разгрома Деникина и катастрофы Колчака (конец 1919 г.) я перестал верить в возможность новых попыток.

А затем, после падения Врангеля всем стало совершенно ясно, что вообще пришел конец политике какой бы то ни было военной интервенции в России. В соответствии с этим я далее и действовал (обмен репатриационными миссиями и т. д.).

9. Поэтому с учетом всех возможностей я мог на международной арене последовательно продолжать проводить свою, по моему мнению, правильно предвиденную линию. Я был против безусловного признания Советов и против постепенных политических уступок, которые по отношению к ним стала делать Европа, я выступал против политики изоляции за установление экономических связей. После поражения трех упомянутых русских воевателей Западная Европа также ясно поняла, что военная интервенция невозможна и, таким образом, под влиянием Ллойд Джорджа окончательно начала проводиться политика достижения договоренности с большеви-

ками. Летом 1921 г. в Париже и Лондоне разрабатываются первые планы, и в январе 1922 г. Бриан и Ллойд Джордж на конференции в Каннах договариваются относительно условий признания большевиков на готовящейся конференции в Генуе.

Тогда я был против этого. Мои поездки в марте и апреле в Париж и Лондон позволили мне вмешаться в это дело» («Moje odpoověd d-ru K. Kramářovi». Praha, 1929, str. 27—28).

436

Письмо посланника в Берлине В. Тусара председателю правительства и министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу о беседе с народным комиссаром иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным

Берлин

4 апреля 1922 г.

Многоуважаемый коллега!

В дополнение к нашему вчерашнему телефонному разговору разрешите сообщить следующее о беседе с Чичериным: он пригласил меня на беседу и прежде всего поблагодарил за информацию о Генуе, которую Раковский получил от Вас и от меня. Он дал понять, что она соответствует действительности. О Радеке он сказал, что он частное лицо и за его высказывания ни он, ни правительство не берут на себя ответственность¹.

Он знает, что его высказывания не всегда были к месту.

В беседе мы перешли к Чехословакии: Чичерин сказал: ЧСР вела себя очень хорошо по отношению к России. В последнее время д-р Бенеш, к сожалению, окунулся с головой во французские дела. Резолюция в Булони — его дело². Мы не понимаем, откуда такой поворот в чехословацкой политике. Д-р Бенеш обещал также помощь Польше, и может быть, и Румынии в случае предполагаемой интервенции. В Праге сосредоточиваются контрреволюционные элементы, чешское правительство поддерживает их морально и материально.

Для него важно, чтобы мы приняли во внимание то, что Советское правительство принципиально стоит на позиции сохранения самостоятельности ЧСР и что противоречащие этому сообщения неправдивы. На это я ответил ему, что вина за подобные сообщения падает на примитивную агитацию чешских коммунистов³. На упреки в адрес чешской политики и Вас я ответил обстоятельно и очень решительно в вежливой и вместе с тем острой и крайне энергичной форме, так, как говорил и он. Нет необходимости приводить детали, разумеется, в ходе дискуссии мы коснулись III Интернационала и его агитации у нас и во всей Европе. Он заявил, что III Интернационал полностью отделен от Советского правительства. За его действия на Советское правительство можно возложить такую же малую долю ответственности, как на бельгийское правительство за политику католической церкви. Я посоветовал ему не приводить в Генуе такой аргумент, т. к. он вообще не будет принят всерьез. Я сказал ему, что на Западе они не будут признаны до тех пор, пока не выяснится отношение к III Интернационалу и не будут даны гарантии, что прекратят нынешнюю деятельность.

Беседа закончилась обсуждением возможных кредитов для России в Германии и на Западе. Чичерин сказал, что они хотят дать все правовые гарантии для личной и имущественной уверенности иностран-